

ДЖО БЕВЕРЛИ

Сканда́льная
Графи́ня

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б36

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Jo Beverley
A SCANDALOUS COUNTESS

Перевод с английского *А. М. Медниковой*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Jane Rotrosen Agency LLC и Andrew Nurnberg.

Беве́рли, Джо.

Б36 Скандальная графиня : роман / Джо Беве́рли; [пер. с англ.
А. М. Медниковой]. — Москва : АСТ, 2015. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-086942-8

Чересчур ранний и непродолжительный брак Джорджии закончился катастрофой — ее мужа убили на дуэли, и юной вдове пришлось в трауре на год похоронить себя в сельском имении, утешаясь лишь мечтами о триумфальном возвращении.

Что точно не входит в ее планы, так это новое замужество. Посему Джорджия совершенно не намерена в отношениях с соседом, военным моряком Дрессером, заходить дальше легкого флирта. Да и годится ли он ей в мужья? Дрессер не богат, не вхож в высшее общество, да еще и лицо его обезображено шрамами.

Однако постепенно легкомысленная кокетка понимает: деньги и положение — не главное, если рядом настоящий мужчина, умный и честный, мужественный и благородный, способный на настоящую, большую любовь...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-086942-8

© Jo Beverley, 2012
© Перевод. А. М. Медникова, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Пролог

*9 июня 1764 года
Лондон*

— Мм...

Даже сквозь плотно прикрытые веки Джорджия, графиня Мейберри, распознала рассвет, который видела лишь иногда. Что неудивительно — она редко добиралась до постели раньше двух часов ночи.

— Ну что там стряслось? — Джорджия облизнула губы и с трудом открыла глаза, собравшись попенять горничной, но увидела перед собой графиню Эрнескрофт: — Мама?

Она села в постели, отбросив с лица спутанные рыжие кудри. В свои девятнадцать она все еще вела себя, словно школьница, и не беспокоилась о мелочах, однако ее удивил беспорядок в прическе. Отчего это? И ночного чепца как не бывало...

И тут она все вспомнила! Ночью в ее в спальне был Дикон... Она возвратилась с бала у леди Уолгрейв рано, поскольку на этом настоял Дикон. Он так прямо и заявил: «Черт подери, Джорджи, я жажду затащить тебя в постель!» Она предположила было, что его неожиданная настойчивость ознаменует приятные перемены, однако сумбурная возня на супружеском ложе была, как и обычно, скучна.

И вот она в супружеской постели, растрепанная, в расстегнутой рубашке. Немудрено, что матушка хмурится. Ее всегда собранная и властная матушка, если бы захотела, смогла бы заставить трепетать генералов. Но что она делает в ее спальне, да еще в такой час?

— Матушка, я вижу сон?

Графиня Эрнескрофт, шурша юбками, присела на краешек кровати и взяла дочь за руку.

— Нет, дочка. Это вовсе не сон. Скорее это кошмар. Будь мужественной. Мейберри мертв.

— Мейберри? Мертв? — Эти слова, казалось, были начисто лишены смысла.

— Твой муж мертв. Убит на дуэли, еще двух часов не минуло...

— На дуэли? С чего бы Дикону драться? — Прежде чем мать раскрыла рот, Джорджия, ахнув, воскликнула: — Мертв? Но этого быть не может, он же ночью был тут... — И она стала стаскивать с постели одеяло, словно Дикон мог прятаться под ним.

Матушка завладела обеими руками дочери:

— Смерти нужен лишь миг, чтобы совершить свое черное дело, Джорджия, и тебе это известно. Мейберри мертв, а тебе надлежит тотчас встать и сделать все, что подобает.

Подчиняясь властной матери, Джорджия выбралась из-под одеяла и слезла с высокой кровати, продолжая бормотать: — Мертв? Но как он может быть мертв? Дуэль... нет, нет! Он же самый добродушный человек на всем свете!

— Мейберри дрался с сэром Чарнли Вансом рано поутру — и умер со шпагой от удара в сердце.

— В сердце? — чуть слышно прошептала Джорджия, прижимая руки к груди, словно шпага пронзила и ее сердце. Она покачала головой: — Нет, тут какая-то ошибка... Или это шутка? Он обо- жает шутить.

— Полагаешь, я бы поддержала такую шутку? Увы, все доказа- тельства налицо: его тело лежит в карете перед домом. Ты должна одеться и спуститься. — И, отвернувшись, властно приказала: — Чего-нибудь отрезвляющего, да поскорее!

— Не уверена, что у нас есть что-то в этом роде, миледи... — Голос служанки по имени Джейн прозвучал словно издалека.

— Ну ничего, ее бледность сейчас вполне уместна.

— Мне надо воспользоваться ночной вазой, — пробормотала Джорджия, словно цепляясь за соломинку. Организм требует сво- его — значит, жизнь продолжается.

— Помогите госпоже, — приказала графиня служанке.

— Да не нужна мне никакая помощь! — заявила Джорджия и поспешила за ширму.

В голове не укладывалось: «Дикон мертв?.. Ему же всего двад- цать три! Люди не умирают в двадцать три года! Ну разве что на войне или порой от тяжелых хворей. А еще падают с лошади, тонут в море... Или погибают на дуэлях. Со шпагой в сердце...»

Она покачивалась взад-вперед, сидя на клозетном стульчаке и обхватив себя руками за плечи. Дикон, ее Дикон. Ее супруг, друг...

— Миледи! — позвала Джейн. — Да выходите же! Ваша ма- тушка ждет.

— Уйди прочь!

— Но, миледи, ваша матушка...

— Пусть тоже уйдет.

— О, миледи, умоляю вас, выходите! Ну не можете же вы...

Чья-то рука отодвинула ширму.

— Прекрати сейчас же, Джорджия! — Мать схватила ее за руку и потащила за собой. — Одевайся!

— Ну-ну, миледи! — куда ласковее забормотала Джейн. — Давайте снимем рубашечку, наденем люстриновое платьице цвета слоновой кости...

Джорджия рывком высвободилась:

— Прекратите, прекратите! Вы обе ошибаетесь! Это наверняка ошибка, вот увидите! — И, вырвавшись из рук, пытавшихся ее удержать, Джорджия выбежала из своей спальни и устремилась в спальню супруга: — Дикон! Дикон, где ты? Представь только, они говорят...

Постель Дикона была в беспорядке. Ну вот, он только что поднялся и... Джорджия ворвалась в гардеробную:

— Дикон!

Камердинер мужа, Притчард, стоял в дверях, через его руку была перекинута сорочка.

— Он... здесь?

По бледным щекам Притчарда заструились слезы, и он отрицательно покачал головой. Джорджия в точности повторила его движение:

— Нет... это неправда!

— Увы, миледи, его светлость... его нет больше. Я приготовил свежую сорочку для погребения. — Голос слуги сорвался.

Джорджия все еще качала головой, однако смысл произошедшего начал мало-помалу доходить до нее.

Ее супруг, ее друг, ее Дикон мертв.

— Нет!

Пошатнувшись, она ухватилась за резной столбик кровати, завороченно глядя на вмятину на подушке, оставленную головой мужа, отчаянно желая его вернуть. Но он никогда не вернется...

Джорджия ничком повалилась на постель, захлебываясь рыданиями.

— Оставь ее ненадолго. — Графиня Эрнескрофт удержала горничную, кинувшуюся было к госпоже, и в раздумьях посмотрела на рыдающую дочь.

У Джорджии такая сияющая красота, веселый и легкий нрав. Как она переживет эдакое несчастье, а ведь девочке не сравнялось и двадцати. Может, не стоило в свое время торопиться с этим браком? Девочке было всего шестнадцать, но ее женские прелести уже всюду расцвели и привлекали взгляды мужчин. Тогда казалось разумнее всего выдать ее за добронравного соседа, который был всего тремя годами старше.

Джорджия была в восторге от перспективы брака с молодым графом Мейберри, которого она давно и хорошо знала. Она с радостью покинула опостылевшую классную комнату и стала полноправной хозяйкой собственных поместий — причем опередив старшую сестрицу. Впрочем, юный Мейберри так и не смог обуздать нрав жены. Это следовало предвидеть — куда разумнее было бы выдать дочь за кого-нибудь постарше.

— Может, приготовить для госпожи сонный отвар? — шепнула Джейн графине.

— Приготовь. Но сначала она должна спуститься вниз и увидеть тело.

— О-о-о, ваша светлость, так ли уж это необходимо?

— Да.

— Как прикажете, ваша светлость. — Служанка потупила взгляд и вышла.

Леди Эрнескрофт тяжело вздохнула — увы, над их головами неумолимо собирались грозовые тучи, — но тут услышала, как скрипнула дверь, и обернулась.

Хвала Создателю! Прибыл один из ее сыновей, достопочтенный Перегрин Перриман, — как всегда, стройный, элегантный и, невзирая на ранний час, одетый в темно-серое, как и подобает случаю. Перри, увы, принадлежал к породе дилетантов, однако был непревзойденным знатоком нравов высшего света. Именно это сейчас и было нужно.

— Тебе предстоит уладить дело в свете, — тихо сказала сыну графиня, — и позаботиться, чтобы не болтали лишнего. Уже ходят не слишком приятные слухи.

— Бедная девочка! — Перри обожал сестер — возможно, даже более, чем братьев.

— Как полагаешь, это правда? — прошептала графиня.

— Насчет Джорджии и Ванса? Ну, он вовсе не из породы светских любезников, каких дамы обычно привечают в будуарах. Мейберри приглашал его для истинно мужских развлечений — Чарнли ловок и силен. Сомневаюсь, что Джорджи приходилось часто встречаться с ним.

— Увы, логика тут не может служить подспорьем. К тому же девочка известна своими безумными выходками, а в некоторых из них замешаны и мужчины. Тебе следовало бы в свое время наставить ее на путь истинный.

— Ну, для этого у нее был супруг, — возразил Перри.

— Который для этого совсем не годился! Тебе удалось раскопать какие-то подробности?

— На данный момент — ничтожно мало. Я беседовал с теми, кто собрался внизу. Если верить Кейли, секунданту графа, все слу-

чилося ночью в таверне. Сначала были гонки на легких экипажах, потом все перепились, и тут Ванс позволил себе насмешливо отозваться об искусстве Мейберри в управлении одноколкой. Мейберри в долгу не остался и плеснул ему в лицо вино... Ну а потом состоялась дуэль. Что правда, то правда: Дикон Мейберри был никуда не годным конником, однако, как мне кажется, чересчур мягкосердечным, для того чтобы биться на шпагах из-за такой малости.

— Пожалуй, ты прав, — согласилась леди Эрнескрофт. — Однако именно это обстоятельство послужит благодатной почвой для нежеланных слухов. Дурацкие предлоги для дуэли обычно скрывают намерение защитить имя некоей дамы, а какая еще дама могла быть тут замешана, если не его ветренная женоушка?

— Великосветские злыдни, которые всегда завидовали красоте и обаянию Джорджии, будут в восторге. В таких случаях вдовы обычно бегут за границу.

— Ни один из Перриманов не был и не будет изгнанником! Однако к делу позаботься, чтобы ушей всех этих людей достигла нужная версия произошедшего — и нынче же поутру! Я же, в свою очередь, позабочусь, чтобы все, кто собрался внизу, узрели вдову в порыве искреннего горя и рассказали об этом вечером в клубах. Прикажи служанке подать халат для госпожи.

И графиня нежно, но твердо подняла всхлипывающую дочь с постели ее супруга.

— Пойдем, ты же наверняка хочешь его увидеть.

— А я непременно должна?

Широко распахнутые покрасневшие глаза Джорджии были как у ребенка, потрясенного и обманутого несправедливостью судьбы.

— Ты должна. Не нужно одеваться. Вот, Джейн уже принесла для тебя халат. — И графиня сама помогла дочери надеть халат из розового шелка. — Нет, не вздумай причесываться! Пойдем, дорогая! Я буду с тобой.

Перри уже отправился выполнять материнское поручение — в этом на него можно было положиться. Леди Эрнескрофт мысленно вознесла хвалу Господу за то, что супруг ее все еще на скачках: он стал бы бушевать, а тут нужен куда более тонкий подход.

Всего каких-нибудь два месяца назад состоялась дуэль, в которой оказалась замешана леди Лоутофт, и тогда весь свет узнал, что она была любовницей убийцы и намеревалась бежать с ним. На первый взгляд, сейчас совсем иной случай, однако злые языки непременно найдут нечто общее. Неизвестно, что лучше: спешно увезти Джорджию прочь из города или принудить предстать перед светом и сделаться мишенью для постыдных сравнений.

Графиня повела трепещущую дочь по коридору, затем помогла ей спуститься по ступеням роскошного особняка в Мейфэре — туда, где тело графа Мейберри лежало на сиденье фаэтона, стоявшего перед крыльцом. Запятнанную кровью сорочку уже переменили на свежую, тело было до самой шеи прикрыто малиновой парчой. Глаза Дикона были закрыты, но он вовсе не выглядел спящим.

При виде тела мужа Джорджия издала странный горловой звук, и леди Эрнескрофт решила, что дочь вот-вот стошнит, и тотчас прикинула, возымеет ли это нужный эффект или, напротив, усугубит шекотливое положение.

Однако Джорджия, спотыкаясь, кинулась к телу, протянув к нему руки:

— Дикон! О, Дикон, почему? — Она откинула каштановые пряди с висков мужа, но тотчас, вздрогнув, отпрянула: — Уже холодный... Уже остыл! — И она бессильно опустилась на колени. Рукава розового халата и тицианово-рыжие кудри впечатляюще смотрелись на фоне малиновой парчи погребального покрывала.

Леди Эрнескрофт не отличалась поэтичностью натуры, но даже ее впечатлило это зрелище.

— О почему, Дикон, дорогой мой! Почему?

Леди Эрнескрофт еле слышно, с облегчением выдохнула: ее дочь без каких-либо понуждений вела себя именно так, как нужно! Вот и двое из четверых мужчин при виде столь неподдельного горя уже вытирают глаза, а Кейли, не стесняясь, рыдает.

Выждав с минуту, леди Эрнескрофт нежно подняла дочь и обняла:

— А теперь оставь его, моя дорогая, пойдем со мной. Тебе надо принять сонного напитка.

Она повела Джорджию в дом, а в спальне помогла горничной уложить ее в постель.

Окидывая взором кровать, леди Эрнескрофт поневоле отметила удручающее легкомыслие ее отделки: вся она выкрашена была в белый цвет, а резьба вызолочена. Купидоны поддерживали четыре столбика, на изголовье резвились нимфы и сатиры. Это было совершенно в духе экстравагантного и фривольного образа жизни ее дочери.

Они с графом Эрнескрофтом полагали, что молодые супруги поселятся в замке Мейберри, который располагался близ их поместья Эрне, что в Вустершире. Ведь даже если их самих не будет в Эрне, дабы надзирать за молодыми, в замке всегда довольно преданной прислуги, да и мать Дикона жила в замке безотлучно.

Однако как только Дикон Мейберри достиг совершеннолетия и получил право распоряжаться изрядным состоянием, они с

женой перебрались в столицу, где сделались законодателями мод. Визиты в поместье Мейберри бывали короткими, и почти всегда Дикон приезжал один. А Джорджия почти безвыездно проживала в столичной резиденции в Мейфэре, отстроенной по последней моде, и уезжала из Лондона лишь в самый разгар летней жары, укрываясь на вилле в Челси, которую они с мужем именовали «Сан-Суси».

Отменно говорящее имя — в переводе с французского «без забот».

Беззаботность, без сомнения, необычайно мила — однако полное отсутствие забот должно быть всемерно порицаемо. Мейберри почти не занимался своими поместьями, а Джорджии вовсе ни до чего не было дела, кроме увеселений и нарядов.

В светском обществе ее прозвали «леди Мей» — она и была легка и изящна, как майская бабочка-однодневка, и изяществом затмевала почти всех дам.

А высший свет может в одночасье ополчиться против тех, кому завидует. Прав Перри: услышав скорбные вести, завистливые великосветские кошки выпустят когти, норovia запятнать репутацию леди Мей, и без того небезупречную.

Горничная, неся стакан с сонным зельем, приблизилась было к постели, однако леди Эрнескрофт остановила ее.

— Послушай меня, Джорджия. Сейчас ты выпьешь снадобье и немного поспишь, но как только проспишься, тотчас уедешь из города — мы с тобой удалимся в поместье Эрне.

— В Эрне? О нет, нет... я лучше поеду в «Сан-Суси».

— Ты ждешь дитя?

— Нет. — Джорджия непонимающе посмотрела на мать.

Леди Эрнескрофт, взяв дочь за подбородок, взглянула в ее залитое слезами личико:

— Будь осторожна. Ты сказала, что Мейберри был в твоей спальне этой ночью. О, только не начинай вновь рыдать! Ведь это означает, что ты вполне могла забеременеть...

Джорджия отерла слезы:

— Возможно. Но мы ведь живем... жили с ним целых три года, мама! С чего бы вдруг последняя ночь должна возыметь такие последствия?

Логично. Три года — и ни намека на беременность! Впрочем, если даже чудо и произошло, со временем это прояснится, но само по себе зачатие может стать проблемой. Наследник, появившийся на свет после смерти родителя, всегда вызывает подозрения. Тут вся надежда на тех, кто сможет клятвенно засвидетельствовать, что молодая графиня не вступала в близость ни с кем, кроме супруга, после злополучной дуэли... Но кто это может быть?

А тут еще и мерзкие слухи касательно Ванса... И какова бы ни была правда, злые языки заработают вовсю. Ах, ей следовало предупредить Перри, чтобы он взял Ванса за грудки и тот уверил бы всех в том, что дуэль состоялась единственно на почве скачек и что никакая леди тут не замешана...

Впрочем, Перри и сам догадается.

Вот ведь заварилась каша — и все по вине ее стрекозы-дочери! Дочери, до которой еще не вполне дошла серьезность ситуации.

— Если ты не в положении, Джорджия, «Сан-Суси» больше тебе не принадлежит... как и этот дом, и замок Мейберри. Все это отойдет законному наследнику, дяде Дикона, сэру Уильяму Гейбл-Гору.

— Что? — Джорджия была до глубины души шокирована. — Все отойдет ему?

— Все, кроме того, что принадлежит тебе по праву.

— О нет!

— Вот выпей-ка, дитя мое. Тебе необходимо заснуть.

Джорджия приняла стакан из рук матери и сделала глоток, тотчас скривившись — питье было горьким. Казалось, эта горечь слегка ее отрезвила: взяв себя в руки, она осушила стакан до дна.

«Одно хорошо, — думала мать. — Моей своенравной дочке мужества не занимать. А оно ей сейчас понадобится, ведь путь назад, в свет, будет тернист в любом случае, даже если удастся замять странные обстоятельства дуэли».

Тем временем горничная, приняв пустой стакан из рук госпожи, подала ей воды — унять горечь во рту от зелья.

Графиня считала, сто сначала Джорджии надлежит возвратиться в Эрне и пожить там тихо, соблюдая траур, покуда не стихнут злые сплетни. Потребуется, разумеется, организовать несколько визитов ближайших соседей — чтобы не возникло сплетен о юной вдове, ускользнувшей за границу с любовником. А здесь, в городе, Перри и другие уверят всех и каждого, что дуэль случилась не по вине дамы — просто двое подвыпивших молодых людей повздорили не на шутку. Даже если правда не такова, опасные слухи следует беспощадно искоренить в зародыше!

Правда, предстоит еще следствие, к вящему интересу любопытствующих. С этим также нужно будет что-то делать, дабы честное имя Перриманов осталось незапятнанным.

Мысли леди Эрнескрофт уже унеслись вперед, в будущее. Год спустя следует подыскать Джорджии нового мужа, и на этот раз он должен быть более подходящим: постарше годами, потверже характером.

Джорджия тем временем допила воду.

— Вчера вечером все было как обычно, все было так прелестно... На балу у леди Уолгрейв со мной всюду флиртовал Бофор, а еще Лиддлоу.. А Селлерби сочинил экспромт, восхитившись пряжками на моих туфельках. И вот теперь я лишилась всего. — Джорджия подняла на мать глаза, полные слез. — Как такое может быть?

Леди Эрнескрофт никогда не была нежной матерью, однако этот вопрос тронул ее до глубины души. Она обняла дочь, целуя ее спутанные кудри:

— В твоей жизни произошли крутые перемены, но ты вовсе не осталась ни с чем! У тебя есть вдовья доля наследства, при тебе все твои достоинства и, что самое важное, твои родные. Верь в свою семью! Мы позаботимся о тебе. С нами ты в безопасности.

Глава 1

29 сентября, 1764 года

Эрне, Вустершир

«Дорогая Лиззи!

Твои письма — великое для меня утешение, и мне остается просить у тебя прощения за то, что долго не отвечала. Кажется, я проспала все лето, едва замечая, как пробегают дни, как расцветают и отцветают цветы. Кажется, я на время сошла в могилу вместе с бедным Диконом.

Лишь сейчас что-то пробудило меня к жизни — может, оттого, что сейчас канун Дня святого Михаила. В этот день слуги обычно раздумывают, остаться ли им с прежними хозяевами или же приискать новых.

Уж я бы точно куда-нибудь переселилась, если бы это было в моей власти.

Воротившись в Эрне, я опасалась очутиться в своей старой спальне подле классной комнаты, которую мы делили с Уинни. Вместо этого в моем распоряжении оказалось несколько прелестных комнат. Во всем же остальном я вновь вольна ощутить себя шестнадцатилетней! Я вовсе не управляю поместьем, как это и было в пору моих шестнадцати лет, — а ведь за время супружества я привыкла управляться с тремя поместьями разом.

И у меня совсем нет денег! Наличных, я имею в виду. Мое приданое мне возвращено, но распоряжается им отец, выделяя мне лишь несколько гиней в месяц. Я и не подозревала, что нам вернут мое приданое, но теперь знаю: все возможно при добром согласии обеих сторон. Новый граф Мейберри с радостью избавил себя от обязанности платить мне мою долю ежегодно по две сотни в течение лет эдак шестидесяти — даже ценой единовременной выплаты двенадцати тысяч.

Ты поймешь, как это грустно — не иметь в распоряжении даже этих жалких грошей! Папа оплачивает мои счета, однако вправе строго контролировать мои расходы, а поскольку это делается через его казначея, можешь вообразить, насколько это меня раздра-

жает. Так что я обзавелась лишь простенькой домашней одеждой для траура да еще кое-чем необходимым — однако теперь, когда я вновь пробудилась к жизни, мне безумно хочется заказать нечто потрясающее! Как полагаешь, что бы это могло быть? Изукрашенный самоцветами молитвенник? Инкрустированный золотом ночной горшок? Так и вижу, как ты смеешься и качаешь головой, я и сама смеюсь и плачу одновременно! Я бы велела тотчас заложить экипаж и прилетела бы к тебе, однако, зная, что ты со дня на день ожидаешь появления нового ангелочка, сдерживаю свой порыв. Я бы отыгралась на Бэбз — беда лишь, что они с Херрингом сейчас во Франции.

Ах, Версаль! Увижу ли я тебя когда-нибудь вновь?..

«Да, разумеется, — ответила бы мне ты, — как только закончится год твоего траура и ты избереешь нового супруга!» Я слышу даже твои едкие насмешки над нравами французского двора, моя маленькая деревенская мышка!

Могу ли я рассчитывать на приглашение в твою тихую деревенскую обитель на Рождество, дражайшая моя подружка? Матушка отчаянно настаивает, чтобы я оставалась в Эрне как минимум полгода, и пугает слухами про меня и Ванса... только представь, Лиззи! Да как нас вообще можно с ним представить в одной постели?! И это после того, как он умертвил моего Дикона! Единственное мое желание — пронзить негодяя насквозь его собственной шпагой!

Однако к Рождеству все слухи сами собой заглухнут, я наконец смогу покинуть Эрне — и свои горестные воспоминания заодно. Я отчетливо помню, каково это место зимой: просторные ледяные покои, а во многих комнатах — мраморные полы. Холод пробирает до костей. Кто только додумался строить дома в таком стиле у нас, в Англии?

А вот твоё якобинское поместье куда лучше устроено — помнишь, как хорошо нам с Диконом было, когда мы однажды проводили Рождество у вас в Брукхейвене? Уверена, он будет с небес, улыбаясь, наблюдать, как я ласкаю твоих малюток, играю в жмурки, целуюсь с кем-нибудь — невинно! — под ветвью омелы и флиртую напропалую со всеми мужчинами разом! Хотя вряд ли кто-нибудь возжелает приударить за мной, облаченной в темно-серые и мрачно-лиловые одежды, — ведь ни тот ни другой цвет мне решительно не идет!..

Ты снова смеешься, дорогая, однако поверь: оба этих оттенка отчаянно портят мой цвет лица.

А когда я уеду от вас, то вернусь в Лондон на весь зимний сезон. И никто меня не удержит — я чахну от тоски по столице! Пока не вернусь туда, не почувствую, что вновь жива!

О-о-о, погляди: на бумагу капнула слезинка, и чернила размазались... но это вовсе не от тоски по светским увеселениям, а оттого, что я вновь представила, как ты качаешь головой, моя дражайшая подружка! Знала бы ты, как я по тебе скучаю!..

Жду не дождусь письма от тебя — и надеюсь, в нем ты расскажешь мне, как легко разрешилась от бремени и как счастлива!

Искренне твоя любящая
Джорджия М.»

6 декабря 1764 года

«Лиззи!

Ты слышала новости? Мать Дикона покинула сей бранный мир. Наверное, я должна скорбеть, но поскольку покойная беспрестанно бывала недовольна мной, пока я была замужем за ее сыном, то не вижу причин лицемерить.

Как несправедливо она обвиняла меня в том, что мы перебрались в город, а ведь это Дикон стремился вырваться из-под ее опеки, получив после совершеннолетия право распоряжаться своим состоянием. И именно мне строчила она гневные письма, жалуясь на наше сумасбродство и расточительность.

Впрочем, обо всем этом ты уже знаешь из прошлых моих писем. Но рассказывала ли я тебе, какие письма она писала мне после гибели Дикона? По-моему, еще нет. Они писаны были желчью и кровью! Я пыталась отвечать мягко — правда, я пыталась, поскольку понимала муки матери, утратившей единственное дитя, — однако в конце концов перестала даже читать эти послания! Нет, я не отсылала их назад, потому что это могло лишь ужесточить ее страдания, но читать их более была не в силах.

Она верила всем грязным слухам, которые распускают обо мне в свете! Говорят, что не только Ванса я сделала своим любовником, но и всех подряд мужчин нашего круга, и, разумеется, я уговорила Ванса избавиться от неугодного мне супруга!

Нет, не желаю больше ни о ней писать, ни ее вспоминать! Однако, увы, я никак не смогу навестить вас на Рождество. Ничуть не намерена лицемерить, но я обязана почтить память матери моего ушедшего супруга хотя бы месячным трауром.

Но если вы с Торримондом не уезжаете в Лондон на зимний сезон, то, возможно, я смогу приехать к вам в январе. Теперь же я достаю все свои теплые шали, толстые шерстяные носки и рукавички, чтобы дожить до того благословенного времени, когда мы увидимся.

Твоя замерзающая подруга
Джорджия М.»

— Перри!

Джорджия стремглав сбегала по ступеням парадной лестницы и упала в объятия любимого брата. И тотчас потащила его вверх по лестнице, приговаривая:

— Не вздумай раздеваться, братец, покуда не дойдем до моего будуара, иначе умрешь от холода!

Смеясь, Перри передал свою шляпу лакею и последовал за сестрой.

— Я глазам своим не поверила, когда увидела, что ты пишешь... Подумать только, ты собрался меня навестить! — щебетала Джорджия. — В эдакую непогоду и спустя всего неделю после Рождества! Ты, наверное, заехал по дороге к друзьям, что живут на севере? Но как бы там ни было, это прекрасно. Я видела тебя в последний раз несколько месяцев назад и соскучилась.

— Я приехал единственно ради того, чтобы увидеть тебя. Ведь я люблю Эрне так же нежно, как и ты, сестренка!

— На то мы и родня с тобой! Ну, входи побыстрее. Мне удастся кое-как обогреть эту вот крошечную гостиную, а еще мою спальню, поэтому я редко выхожу из своих покоев. Мама и папа не приехали на Рождество — они вернутся не ранее двадцать третьего числа. К тому времени мне придется протопить еще и столовую.

— И они станут поддерживать там тепло, в какую бы кругленькую сумму это им ни встало! — Перри стянул перчатки, шарф и пальто, подбитое мехом, и сунул все это в руки горничной Джорджии, Джейн.

Джорджия сбросила свой теплый плащ на ближайший диванчик и снова заключила брата в объятия. Перри был всего на каких-нибудь пару дюймов выше сестры, к тому же очень строен и худощав. Отчасти поэтому многие недооценивали его силу, хотя он был прекрасно физически развит и со шпагой управлялся отменно. Многие полагали также, что его щегольские замашки свидетельствуют о внутренней пустоте, однако они просто плохо знали Перегрину Перримана.

— Что тебе предложить перекусить с дороги? Что-нибудь из горячего? Или чаю? А может, эль? Или вина?

— Сначала чаю, а потом любой еды, да побольше! Суп согрел бы мои промерзшие косточки...

— Чаю и супа для моего брата, и как можно быстрее, Джейн... ну и всего остального... словом, вкусный обед! — приказала Джорджия служанке. — И позаботься, чтобы в его комнате было так же тепло, как и в моей!

Перри, умилившись, запечатлел горячий поцелуй на щеке служанки:

— Хороша, как всегда, и еще более, чем всегда, расторопна!